

Чарапіца Валерыі Мікалаевіч

нарадзіўся 1.01. 1945 г. на Браншчыне. Прафесар, загадчык кафедры гісторыі славянскіх дзяржаў ГрДУ імя Янкі Купалы, член СПБ. Аўтар звыш 500 навуковых публікацый, у тым ліку 19 манаграфій. У 2012г. выдадзены кнігі “Уходзілі в поход на врага” і “Гродно.Студенческая, 3: история дома и жизни его обитателей. Век XX», Лаўрэат прэміі імя А. Дубко Гродзенскага алвыканкама “За творчыя дасягненні ў галіне культуры і мастацтва” у намінацыі “Пісьменнік года – 2012”. Узнагароджаны медалём і ордэнам Ф. Скарыны. Жыве ў г. Гродна.

Петр Коган в науке, литературе и повседневной жизни

Впервые о том, что имя Петра Когана, видного отечественного историка литературы, критика и театроведа, связано с городом моей юности Лидой, мне стало известно лет двадцать назад. В процессе работы над книгой о дарственных надписях исследователей истории Беларуси, я обнаружил в фондах Гродненской областной библиотеки имени Е.Ф. Карского его капитальный труд «Очерки по истории новейшей российской литературы. Том первый. Выпуск III. Вторая тысяча» (Москва, 1912). находка обрадовала, несмотря на то, что это при детальном изучении автографа ученого на титульном листе книги – «Пётр Коган», выяснилось, что это не собственноручная подпись автора, а лишь его факсимиле, воспроизведённое типографским способом. В ту пору обеспечение каждого экземпляра книги штампом автора достаточно широко практиковалось в качестве поручительства перед тогдашней цензурой и самим издательством, что в труде этом нет ничего противозаконного или предосудительного.

Слегка посетовав на то, что находка оказалась не столь ценной, как это вначале показалось, я, тем не менее, ознакомился с общим содержанием труда, которое показалось мне весьма солидным и научным, а затем занялся сбором сведений об его авторе. В итоге оказалось, что Пётр Семёнович Коган родился 20 мая 1872 года в Лиде в семье известного городского врача. После окончания Лидского городского училища и Могилёвской мужской гимназии он учился на историко-филологическом факультете Московского университета. На формирование научных взглядов молодого учёного оказали большое влияние труды таких видных историков русской и зарубежной литературы как А.Н.

Веселовского и В.А. Стороженко. Ещё в студенческие годы он ознакомился и с марксистскими идеями.

Печататься Петр Коган начал с 1895 года. Первая его статья по истории литературы была опубликована в 4-ом и 5-ом номерах журнала «Книговедение». Тогда же он начал сотрудничать с «Русской мыслью», «Русскими словом», «Образованием», «Курьером», «Современным миром» и другими изданиями. В 1903 году увидел свет первый том его трёхтомника «Очерки по истории западноевропейских литератур». Этот труд для того времени являлся первым на русском языке обзором (если не считать лекций профессора Стороженко), охватывающим всю литературу Западной Европы как в главных его проявлениях, так и в тесной взаимосвязи с тогдашними социально-политическими и научными течениями.

В 1907 году Коган издал «Очерки по истории древних литератур», первый том которых он посвятил греческой литературе. С 1908 года начал издаваться его трёхтомник «Очерки истории новейшей русской литературы» с его упомянутым выше штемпелем факсимиле. Работа эта была положительно воспринята в радикальных кругах интеллигенции страны своей оппозиционностью по отношению к царскому правительству, а также достаточной глубиной анализа историко-литературных процессов в России. Привлекали читателей и театроведческие работы П.С. Когана. К началу XX века имя его становилось весьма известным в литературной среде Москвы.

В 1909 году ученый переехал в Санкт-Петербург. Здесь он успешно сдал магистерские экзамены при столичном университете, после чего был избран приват-доцентом по кафедре романо-германской филологии. Одновременно он успешно читал лекции по литературоведению на Высших женских курсах имени П.Ф. Лесгафта. Мечтая о научной карьере, Коган принял православие, но к профессуре он в ту пору так и не был допущен.

После революционных событий 1917 года П.С. Коган – профессор Московского государственного университета и других вузов советской столицы. В 1921 – 1929 годах – он президент Государственной академии художественных наук, ведущий сотрудник начавшей издаваться «Литературной энциклопедии». Эти годы были весьма плодотворными и в творческом плане. Им был издан и ряд интересных книг о Вильяме Шекспире, Виссарионе Белинском и Максиме Горьком, а также «Литература этих лет. 1917 – 1923». Он являлся автором ряда литературоведческих статей в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона», а также в первом издании «Большой советской энциклопедии». Популярный лектор, горячий пропагандист молодой советской литературы, Петр Коган отдал дань и вульгарно-социологическим взглядам. Он так и не смог до конца избежать революционного «левацкого» фразерства, негативного отношения ко всему тому, что было связано с национальной традицией, бывшей государственностью и ее культурой. Умер учёный 2 мая 1932 года в Москве. Похоронили его на Новодевичьем кладбище (Фрунзенский вал, 50, участок 3, у северной стены).

Личная жизнь учёного и литератора не получили должного освещения в его биографии. Известно лишь то, что его жена Надежда Александровна Коган (Ноле-Коган) (1888 – 1966) – переводчица с немецкого и французского языков, а в последующем переводчица была близкой знакомой и любовницей поэта А.А. Блока в последний период жизни. Родилась она в Москве, в семье врача Александра Николаевича Ноле. Оставив частную практику, ее отец служил директором московского воспитательного дома. Надежда Александровна рано потеряла мать. Отец женился вторично, и десятилетнюю девочку поместили на полный пансион в московскую частную гимназию Е.Е.Констан, которую Н. А. Нолле окончила в 1907 г. В гимназии Н. А. Нолле познакомилась с тогдашним преподавателем русской литературы Петром Семеновичем Коганом, за которого в 1909 г. вышла замуж. Н. А. Нолле слушала лекции в Сорбонне, а потом в Петербурге, где П. С Коган был доцентом романо-германского отделения Петербургского университета. Н. А. Нолле-Коган окончила Бестужевские курсы, также по романо-

германскому отделению. Она стала помогать мужу, делая переводы для хрестоматии по западной литературе; ею переведены отрывки из художественной прозы Дидро. В 1910 г. она перевела книгу Фр. Куммора «О смене литературных поколений и литературных кумиров».

В 1913 г. Н.А. Нолле-Коган совершила заграничную поездку по Германии, посетив Берлин, Фрейбург и Марбург, куда приехал и П. С. Коган для работы над диссертацией о Гейне у профессора Эльстера. Потом Н.А. Нолле-Коган путешествовала по Италии, посетив Рим, Милан, Пизу, Флоренцию, Венецию, Неаполь, Капри, Сорренто. А. Нолле-Коган была постоянной сотрудницей журнала «Женское дело».

Впервые Н. А. Нолле-Коган встретила Блока в 1912 г. Весной следующего года она обратилась к нему с письмом, в котором писала о своем чувстве к поэту. Личное знакомство ее с Блоком произошло 28 ноября 1913 г., после чего их встречи и переписка не прекращались до конца жизни поэта. В многочисленных записных книжках поэта сохранились лишь краткие пометки, посвященные супруге П.С. Когана: 5 марта 1914 года – «Письмо и розы от Н.А. Ноле»; 28 ноября – «Вечер: надежда Александровна Коган, рожденная Нолле»; 2 декабря - «Надежда Александровна Коган приходила и плакала бедная»; 13 июня – «письмо к Н.А. Нолле (Коган); 6 октября – «Письмо от Н. Нолле (и статья Айхенвальда обо мне)»; 17 октября - «Письма (заказные) к Бертенсону, Н. Нолле». Иногда в записях А. Блока мелькало и имя ее мужа: 28 октября 1918 года – «Телефон (звонок – В.Ч.) от П.С. Когана. Его книги от Н. Нолле»; 14 ноября – «Писал в «Рабочий мир», Лундбергу, Н.А. Ноле, П.С. Когану»; 25 ноября – «Подаяю заявление о Когане в театральный отдел (письмо от него)». Однако имя Н.А. Нолле в них преваляло: 18 марта 1918 года - «Записка Н.А. Ноле»; 3 января 1919 года – «Записка Нолле»; 20 января – «Заказные (письма – В.Ч.) Н.А. Ноле и М.В. Сабалиникову»; 28 февраля - «Письма Мейерхольду (отказ), Нолле, Волькенштейну; 26 мая – «Вечером Н.А. Ноллебила»; 29 мая – «Все утро была Н.А. Нолле, принесла портрет мой – Кругликовой, купленный ей, что бы я подписал»; 6 августа – «Письма к Нолле, Чешихину»; 8 апреля 1920 года – «Был доктор и опять велел лечь в постель. Книг собрал, чтобы продать в Москве через Нолле»; 9 июля – «Стрельна. Дождь. Вечером – С.М. Алянский (ему – письмо в Москву для Н.А. Нолле с доверенностью, фотографиями и рукописями стихов)»; 17 августа – «Вечером у Нолле»; 20 августа – «С 3-х часов – Н.А. Нолле, Е.Ф. Книпович, А. Тиняков (Чудаков), С.М. Алянский. Телефоны, гости до ночи»; 22 августа – «Днем – Н.А. Нолле»; 23 августа – «Прелести осени. – Вечером – Н.А. Нолле у нас, завтра уезжает» 8 сентября – «Телеграмма в артель деятелей искусств к 12 сентября (годовщина) по адресу Н.А. Нолле, - не приняли»; 20 сентября – «Шихман из Москвы с письмами Н.А. Нолле (предлагает организовать «ЛИТО» и четыре вечера в Москве)»; 23 сентября – «Писать Н.А. Ноле»; 24 сентября – «Письма к Н.А. Нолле»; 26 октября – «Заказное Н.А. Нолле»; 30 ноября – «Письмо Н.А. Нолле».

Роль, которую сыграла в последние годы жизни Блока Н. А. Нолле-Коган, трудно переоценить. Нельзя не сказать и о том положительном значении, какое имело ее участие в жизни поэта, когда ее дружеская помощь и поддержка были ему необходимы. Она поддерживала Блока, как только могла: и материально, и морально в труднейшие годы его жизни. Н.А. Нолле-Коган систематически посылала Блоку продуктовые посылки в голодный и холодный Петроград, устраивала творческие вечера в Москве, когда он останавливался в квартире Коганов, где и сама Надежда Александровна, и ее муж, Петр Семенович, «доброту и мудрую мягкость» которого мог почувствовать Блок, окружали его вниманием и заботой. Н. А. Нолле-Коган вела бесконечные переговоры с руководителями «Художественного» театра и других театров о постановке блоковской пьесы «Роза и Крест». Стараясь облегчить материальное положение Блока, она содействовала продаже книг из его личной библиотеки, устраивала его в «Артель деятелей искусства», в издательстве которой «Первина» были позже напечатаны его «Отроческие стихи».

Что касается поездки в Москву в мае 1920 года, то в ходе ее, после трудных и нудных петроградских будней, Блок, как отмечал В.Н. Орлов, явственно ощутил веяние своей всероссийской славы. За одиннадцать дней пребывания в столице поэт, кроме чтения своих новых произведений в Политехническом музее (чему предшествовал доклад П.С. Когана о поэзии Блока – В.Ч.), побывал в Художественном театре, встречался со Станиславским, посетив некоторые репетиции труппы, заглянул в университет на заседание Общества любителей российской словесности, навестил своих родственников, а по вечерам прогуливался по весенней Москве, облюбовав скамейку возле храма Христа Спасителя. Посиживая здесь, он читал своей спутнице стихи – Лермонтова, Барантынского и свое. Спутницей этой была Н.А. Нолле, жена П.А. Когана. Она вникала во все дела Блока, стараясь всячески помогать ему. В Москве она сопровождала Блока повсюду, и «на его выступлениях, отмечал В.Н. Орлов, - она с замечательным отсутствием такта восседала на эстраде, вызывая в публике нездоровое любопытство и излишнее оживление».

Вышеупомянутой первой встрече поэта с Н.А. Нолле-Коган предшествовала письмо от 22 марта 1913 года, в котором она писала о своем чувстве к Блоку и просила у него разрешения послать ему розы. В дневниковой записи Блока от 27 марта 1913 года поэт пишет: «На столе у меня стоят красные розы, которые сулила мне неизвестная дама». Так завязалась переписка, в которой поэт от обращения «Многоуважаемая Надежда Александровна» постепенно к середине 1919 года перешел на более мягкое и доверительное – «Дорогая Надежда Александровна». Развитие в этой переписке во многом зависело от ответа поэта на вопрос его поклонницы: «Нужны ли Вам мои письма? Два года назад на этот вопрос Вы в письме ответили: «Иногда – да, иногда нет, чаще – да». На этом письме – пометка Блока: «Получено 6 июня 1916 г.».

При заметной теплоте взаимоотношений Блока и Нолле их переписка носила характер вполне официальный с достаточно частым упоминанием имен как супруги поэта – Любови Дмитриевны Блок, так и мужа его адресатки – Петра Семеновича Когана. Помимо традиционной передачи приветов последнему (9 июня 1920 года: «Передайте Петру Семеновичу мой низкий поклон, привет от сердца и благодарность от души»; 30 ноября 1920 года: «Петру Семеновичу – низкий поклон и благодарность за поздравление (с 40-летием со дня рождения. – В.Ч.) от всей души, но поздравлять-то не с чем, старость – не радость») в письмах Блока было не мало и того, что разводило этих людей в понимании роли личности писателя и общественной среды. В январе 1916 года благодаря Н.А. Нолле за присылку книги П.С. Когана «Пролог» (1-е изд. 1915 г.) А.А. Блок писал: «Напрасно Вы думаете, что «мое мировоззрение диаметрально противоположно написанному в ней; напротив я встретил на ее страницах много близкого и знакомого мне. Главное, что я имею сейчас возразить против этой книги, - это то, что мысли в ней, выраженные, кажутся мне не творческими, не окрыленными, по крайней мере, я уверен в одном, - что примеры, взятые из моих книг, не иллюстрируют, а опровергают «программу», которую автор хочет подтвердить: «А в одном из январских писем 1918 года была такая строчка: «Спасибо Вам за давно полученный мной фельетон Петра Семеновича (речь шла о статье Когана «Голос поэта» («Вперед, 15 февраля 1918 года) по поводу статьи Блока «Россия и интеллигенция – В.Ч.). А в главе от 17 октября того же года он замечал: «если бы Петр Семенович был здесь (в Петрограде – В.Ч.), он был бы драгоценен для нашей «Репертуарной секции» (при местном театральном отделе Наркомпроса – В.Ч.). В частности, я постоянно читаю его словарные статьи и часто нуждаюсь в его трудах по истории западной литературы (и в очерках и хрестоматии). Если бы у Вас нашлись лишние экземпляры тех работ, где есть сведения, относящиеся к театру, я был бы Вам очень признателен за их присылку». Позднее по делам секции Блок через Надежду Александровну передавал ряд писем и самому Когану.

И все же основное содержание исследуемых писем касалось Блока и Нолле: их чувств, настроения, бытовой неустроенности, околословесных проблем и, конечно же,

ожидание новых встреч, воспоминаний о прошедших. Менялось и содержание подписей поэта в конце его посланий: от «Ал. Блока», «Преданный Вам Ал. Блок» до – «Ваш Ал. Блок». С благодарностью принимая заботы о себе со стороны Ноле-Коган, поэт не мог не сказать ей и о позоре покровительства над ним – это чай, крупа, мука, дрова, табак и прочее, посылавшееся ему семейством Коган. Тяготился он и теми горячими приемами, которые оказывали ему супруги во время его приездов в Москву. Некоторое раздражение буквально сквозит в его «благодарностях» на их предложения останавливаться только у них, в квартире на Арбате. Последнее было особенно заметным после получения от Н.А. Нолле следующего сообщения: «Петр Семенович уезжает завтра в Ярославль, а я ездила и разыскала дачу, наконец, сняла дачу в 5 комнат в Тарасовке, буду жить там с 1 июля до глубокой осени, там чудесно, приезжайте». На это приглашение Блок ответил: «Ну, как можно ехать в Москву и даже за Москву, человеку, который только что там был? Республика такого расстреляет». И далее, как бы в оправдание за сказанное, он написал: «Новую вашу фотографию хочу иметь. Целую Вашу руку. Преданный Ваш Ал. Блок».

В январе 1921 года Н.А. Нолле-Коган написала Блоку: «Друг мой, я жду ребенка и отец его мой муж». Там же она попросила поэта быть крестным отцом будущего ребенка. Такого рода информация об отцовстве ребенка, по-видимому, преследовала цель успокоить тяжело болевшего поэта, показать, что это факт никак не коснется его репутации как порядочного человека. Думается, что ответ Блока адресатке не стал для нее неожиданностью: «8 января 1921 года, Петроград. Дорогая Надежда Александровна! То, что Вы мне написали, очень важно, потому что Вы хотите, чтобы это было важно. Все на свете так — зависит от отношения. Даже то, о чем Вы пишете, может пройти и проходит почти у всех кое-как, так себе, как все; но Вы говорите этому «да». Говоря так, Вы берете на себя страшную ответственность. Вы хотите, чтобы я нашел в душе «хорошие слова» и написал Вам. Я нахожу слова, но не знаю, хорошие ли они; во всяком случае, они — горькие, но иными сейчас не могут быть настоящие слова. Вы связываете будущего ребенка с мыслью обо мне. Я принимаю это, насколько умею, а умею очень плохо. Вообще, я бесконечно отяжелел от всей жизни, и Вы помните это и не думайте о 99/100 меня, о всем слабом, грешном и ничтожном/что во мне. Но во мне еще, правда, 1/100 того, что бы надо было передать кому-то; вот эту лучшую мою часть я бы мог выразить в пожелании Вашему ребенку, человеку близкого будущего. Это пожелание такое: пусть, если только это будет возможно, он будет человеком мира, а не войны, пусть он будет спокойно и медленно созидать истребленное семью годами ужаса. Если же это невозможно, если кровь все еще будет в нем кипеть и бунтовать и разрушать, она во всех нас, грешных, — то пусть уж его терзает всегда и неотступно, прежде всего, совесть, пусть она хоть обезвреживает его ядовитые страшные порывы, которыми богата современность наша и, может быть, будет богато и ближайшее будущее.

Поймите, хотя я говорю это, говорю с болью и с отчаяньем в душе; но пойти в церковь все еще не могу, хотя она зовет. Жалейте и лелейте своего будущего ребенка; если он будет хороший, какой он будет мученик, он будет расплачиваться за все, что мы наделали, за каждую минуту наших дней.

Вам слова лучшие, какие только могу найти сейчас, самое большое, что я могу увидеть и обобщить моими слепнувшими от ужаса глазами — в будущем».

Письмо это лишь на короткое время внесло охлаждение во взаимоотношения близких друг другу людей, но уже в апреле 1921 года Нолле сообщала Блоку: «Дорогой Александр Александрович, из афиш и от того приехавшего из Петербурга человека я узнала, что Вы приезжаете в конце страстной недели в Москву, Почему Вы ничего сами не пишете мне? Конечно, Вы остановитесь у нас, я иначе не могу даже мыслить другого Вашего приезда. Вы в Москве и не у нас – это такая смертельная обида, что вообще не только говорить, но и думать об этом не могу. В год раз я вижу Вас и это такой праздник, что Вы не найдете в себе жестокости лишить меня его. Петр Семенович уверяет, что я волнуясь зря и неверно представляю себе Ваше дружеское отношение к нам. Что в Ваше

дружеское отношение он верит и знает, что ни его, ни меня Вы не захотите огорчать и обижать, останавливаясь где-нибудь еще. Итак, мы ждем Вас всем домом очень. Петр Семенович здоров теперь совсем. Я ни о чем ни думать, ни писать не могу как только, что Вы снова в нашем доме. Все-таки бог хранит моего будущего ребенка, раз в эти в эти дни, перед таким испытанием еще раз даст возможность видеть Вас, как хорошо от одной мысли. Ну, разве не чудо для меня все это. Целую Александру Андреевну и Любовь Дмитриевну крепко. Если успеете, то напишите мне, чтобы я Вас встретила». В следующем письме Н.А. Нолле-Коган повторила свое приглашение, на этом письме была приписка П.С. Когана: «Дорогой Александр Александрович, приезжайте к нам прямо. Если остановитесь в другом месте, это будет большим ударом для Надежды Александровны и великим огорчением для меня».

2 июня 1921 года тяжело больной Блок поздравил Ноле-Коган с рождением у нее сына Александра, о чем она сообщала ему в письме, относящем к середине июня 1921 года: «Дорогой друг мой. 9 июня я родила мальчика Сашеньку. Роды были очень тяжелые, 4 часа я была под наркозом. Родился мой сыночек в 1 час. 30 мин. дня, в самое Вознесение. Он очень мало весил, всего 6 с половиной фунтов. Я так долго Вам не писала, очень слаба и сейчас лежу в постели и встану не раньше, как дней через 10. Почему Вы ничего не пишете в ответ на мое письмо.... Мысль, что Вы больны, не перестает тревожить меня, иначе не знаю, почему не отвечаете. Будьте здоровы, друг мой милый. Мой Сашенька целует Вас. Ваша Нолле».

Фраза поэта в письме от 2 июля («Напишите мне побольше») устыдила, по собственному признанию, адресатку, и она послала Блоку подробное письмо, отрывок из которого приводится ниже:

«... Сегодня Петр Семенович, не зная, что Ваш телефон испорчен, звонил Вам по телефону из квартиры Луначарского, сообщив ему о Вашей болезни. Луначарский дал ему телефон Горького. Горький сказал Петру Семеновичу, что Вы очень больны, что он делал доклад Ленину, прося выпустить Вас за границу. Ленин согласился, и Горький подал заявление Менжинскому. Если бы только все это вышло! Я не знаю, куда Вы хотите ехать, и кто поедет с Вами, но уехать Вы должны, друг мой, хоть не на долго.... ..Ваши дела меня никогда затруднить не могут, Вы знаете это, и сейчас я все могу делать».

В небольших воспоминаниях Нолле-Коган читаем: «Его письмо, отправленное мне 2-го июля, было последним. Оно было написано за месяц до смерти. Состояние его здоровья резко ухудшается с каждым днем. Он уже никого не узнавал, жестоко страдал.

Мы говорим себе: «Не может быть! Не должно быть, слишком страшно, слишком несправедливо, слишком противоестественно мыслить себе Блока и Смерть! И все же это свершилось. 7 августа раздался телефонный звонок, подошел Петр Семенович: «Блок сегодня скончался» — сказали ему».

Что касается упомянутого ребенка, то в Википедии имеются следующие строки о его радетьях и дальнейшей жизни: «В июне 1921 года Н.А. Коган-Нолле родила от А.А. Блока сына, Александра Петровича Нолле, известного затем как А.П. Кулешов (1921 – 1990). В историю советской литературы он вошел как автор ряда книг, посвященных советской армии и милиции. Являлся лауреатом ряда литературных премий, заместителем председателя Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей СССР.

Н.А. Коган-Нолле была хорошо знакома с поэтессой Мариной Цветаевой до ее отъезда за границу. В воспоминаниях Э.Л. Миндлина о Цветаевой есть упоминание как о реакции последней на кончину Александра Блока, так и о поведении в это время П.С. Когана: «Я услышал о его смерти в кафе «Домино» и бросился с Тверской в Борисоглебский переулок к Цветаевой. Стеклопанная дверь была на ключе. Я стучал и кричал: «Марина! Блок умер! Марина!» За матовым стеклом двери, как нарисованный на мокрой бумаге, расплылся ее силуэт. Она долго не могла справиться с запертой дверью. Я

видел, как ее руки беспомощно, жалостно шарили по стеклу и не находили замка. Она словно ослепла. Когда она впустила меня, я ее не узнал. У нее не хватило сил даже закурить папиросу. Я никогда не видел её такой смятенной, несчастной. Она не плакала. Я вообще не могу представить себе Цветаеву плачущей даже в великом горе. Только несколько дней спустя она стала вспоминать, каким видела Блока в его последний приезд в Москву. Рассказывала: «Он глухо, все глуше и глуше читал стихи и, читая, все дальше отодвигался от слушателей к стене, словно хотел войти в стену».

Потом заперлась у себя и несколько дней кряду писала стихи о Блоке.

На углу Тверской и Большого Чернышевского переулка (нынешней улицы Станкевича) в зеркальном помещении бывшей кондитерской собрались члены литературного объединения «Кузница». В один из траурных блоковских дней я зашел в этот переполненный кондитерский пестрый зал. В глубине зала на кафедре стоял популярный исследователь западноевропейских литератур профессор Петр Семенович Коган. Он говорил о Блоке. И вдруг заплакал навзрыд, как ребенок. Вечером я рассказал Цветаевой о плачущем Когане. Она удивилась: «Плакал на людях? Публично? Должно быть ей представлялось, что если уж плакать, то только наедине с собою».

Как отреагировала на все это жена двух литераторов, мемуарист ничего не сказал. Сам же Коган весьма сочувственно отнесся к этой трагедии. При Государственной Академии художественных наук, директором которой он являлся, была создана Ассоциация памяти Александра Блока. Руководитель ассоциации Е.Ф. Книпович в своих письмах к супруге покойного поэта Л.Д. Блока, в частности отмечала «Там (на заседаниях ассоциации – В.Ч.) была Надежда Александровна Коган с супругом: худая, тихая, осторожная. Что-то есть в ней вульгарное и жалкое...» И еще об одном заседании: «Городецкий попрекал пролетарских поэтов за неумение принять великое блоковское наследие, поэты возражали, а Коган, к моей тихой радости, сел в колошу».

Кончина Блока в 1921 году по времени совпала с началом реализации в стране НЭПа или «новой экономической политики», а также выхода в свет первого после революции журнала «Экран», одним из ведущих авторов которого был профессор А.С. Коган. Именно благодаря Когану этот частновладельческий журнал уже с первого своего номера встал на защиту искусства от разлагающегося влияния частных владельцев. Передовая статья президента АХН, одного из ближайших помощников наркома просвещения А.В. Луначарского, была весьма необычной. Вот как она начиналась: «Новый курс экономической политики. Эти слова у всех на устах. Еще недавно девизом нашим было: все бесплатно, все из рук государства. Теперь мы круто повернули в противоположную сторону. Все за деньги! А ведь деньги не там, где дышит идея. Уже афиши пестрят призывами невысокого эстетического достоинства. Волны мещанства подступают к концертным и театральным подмосткам, еврейские и армянские анекдоты привлекают больше публики, чем классические концерты и образцовые спектакли. Мещанину, начинающему расправлять свои члены, нужно искусство для облегчения пищеварения. Он устал от идей и от революции. Он начинает себя чувствовать хозяином и снова требует оперетки, фарса, сального анекдота и хорошего буфета... Предприимчивые люди захватят наши залы и сцены, благо они смогут платить те миллионы, которых в виде арендной платы требует новая экономическая политика. Ряд задач вытекает отсюда для всех, кому дорого серьезное искусство. Для государства, прежде всего. Необходимо быть последовательным и в художественной политике держаться того же пути, что и в хозяйственной. Необходимо сосредоточить все силы на немногих крупных учреждениях, уменьшить количество и поднять качество. Необходимо обставить их так, чтобы они были застрахованы от разлагающегося влияния частных предпринимателей, что бы эти последние не могли переманивать лучшие артистические силы соблазном лёгкого заработка и дешевого успеха. Государство должно стать конкурентом среди антрепренеров, но конкурентом самым могущественным и идейным. Вокруг него должен объединиться цвет знания и искусства...».

Номер «Экрана» со статьей Когана еще продавался в газетных киосках, когда расчет на спокойное решение хозяйственных проблем, к которым призывал Пётр Семенович, был нарушен. В печати появилась статья Ю. Ларина «Большой театр», автор которой метал гром и молнии против Большого театра, «ежемесячно съедающего оклады четырёх тысяч учителей и учительниц страны». Что важнее – содержать Большой театр в Москве или оплачивать труд четырёх тысяч учителей? Ларин требовал закрытия лучшего оперного театра страны. «Экран», вышедший с передовой статьёй Когана, озаглавленной «Тревога», была против закрытия знаменитого театра. Разумеется, автор понимал кризис и неблагополучие театра, но решение проблем Большого видел в другом. И конечно же, не в закрытии (кстати, в этом Ларина поддерживал даже В.В. Маяковский), а в сборе средств на нужды театра посредством пополнения его материального фонда денежной лотереей, «весь чистый доход с которой пойдёт на осуществление задач, стоящих перед творческим коллективом». Не сразу, не вдруг, но во многом благодаря Когану судьба Большого театра определилась. Его не закрыли, хотя и забот о нем в ту пору у деятелей культуры оставалось ещё не мало.

Дискуссия вокруг Большого театра не могла не вызвать натянутости в отношениях Когана с Маяковским. Разумеется, что природа ее была значительно глубже, но повод был вполне очевидным. В своем знаменитом стихотворении «Сергею Есенину» Маяковский, выступая против явных и скрытых недугов трагически ушедшего из жизни поэта, открыто называл среди них и нашего героя:

Встать бы здесь гремящим скандалистом:

- Не позволю мямлить стих и мять! –

Оглушить бы их трехпалым свистом

в бабушку и в бога душу мать!

Чтобы разнеслась бездарнейшаяпогань,

раздувая темь пиджачных парусов,

чтобы врассыпную разбежался Коган

встреченных увеча пиками усов.

В этих строках неприязненное отношение поэта к Когану нашло выражение даже в описании его внешнего облика. Последнее еще более подтверждает наличие в левацкой литературной среде множества причин для личной антипатии, однако еще со школьных времен осталась в памяти одновременно оптимистично и печально звучащая концовка этого стихотворения:

Для веселия планета наша мало оборудована.

Надо вырвать радость у грядущих дней.

В этой жизни помереть не трудно.

Сделать жизнь значительно трудней...

Через пять лет после создания этого произведения ушел из жизни Владимир Маяковский, а через два года после него – Петр Коган. Трудно сказать, был или нет у гроба Маяковского Коган. Скорее всего, был, ибо попрощаться с поэтом-бунтарем пришла вся пишущая и читающая Москва. Вот как увидел это прощание Валентин Катаев:

«Зал был узкий. Гроб был узкий, красный, по росту Маяковского – длинный. Над гробом узкая, резко обрезанная, четырёхугольная чёрная декоративная плоскость. Она начиналась низко над изголовьем гроба и, постепенно, расширялась, косо уходила вверх, в никуда. Конструкция работы Лавинского, как бы на миг приоткрывшая что-то бесконечное, бездонное, готовое всегда затвориться.

Гроб был мелкий, стоял невысоко, и тело спящего Маяковского в новом заграничном костюме с артистически изогнутой кистью руки, будто бы вот только что, сию минуту, выпустившей из побелевших пальцев стило, виднелось почти целиком. Стройное, длинное, молоджавое с темными волосами, неестественно гладко зачесанными, – чего при его жизни никогда не было. А наискось через нахмуренный лоб, через переносицу тянулся свежий, синевато-чугунный шрам – след падения после того, как он

выстрелил себе в сердце... В край гроба упирались ноги в больших, новых, очень дорогих башмаках заграничной работы на толстой подошве со стальнымискоробочками, что бы не сбивать носки, предмет моей зависти, о которых Маяковский позавчера сказал мне в полутёмной комнате: «вечные».

Я стоял с черно-красной повязкой на рукаве – в почетном карауле – у его изголовья и против себя – по ту сторону лежащего Маяковского – видел его маму, маленькую старушку, и сестер в трауре, которые сидели на стульях, не спуская глаз со спящей головы их Володи. «Алло! Кто говорит? Мама? Мама! Ваш сын прекрасно болен! Мама! У него пожар сердца! Скажите сестрам, Люде и Оле, – ему уже некуда деться».

Народу была еще не слишком много. По углам гроба бесшумно сменялся почетный караул. Не помню, была ли музыка. Наверное, была. Но она не могла заглушить тишины. Со двора по лестнице поднимались один за другим его читатели, главным образом молодёжь, вузовцы, школьники, рабочие, красноармейцы, курсанты – юноши и девушки. Они шли цепочкой один за другим – заплаканные, помертвевшие – мимо узкихвазончиков с длинными, бледными парниковыми розами, расставленными снизу вверх на каждой ступеньке и вдоль стены коридора, который вел к его гробу.

Они проходили мимо, видя его, быть может, впервые в жизни.....

А он все лежал, и лежал на спине, уже начисто выбритый, в спокойной, совсем несвойственной ему позе, и только нахмуренный лоб со шрамом говорил о том, с каким нечеловеческим напряжением он писал и чего стоили ему его гениальные поэмы... Уже, собственно говоря, и не он, а лишь его телесная оболочка – лицо цвета магнолии и гладко причесанная голова».

Драматизм жизненных и творческих путей литераторов 1920 – 30-х годов становятся еще более очевидным сегодня, когда мы являемся свидетелями того, чем завершились в реальной истории революционные устремления тех, кто верил в «громадье» планов позитивного изменения облика мира на основе марксизма-ленинизма. Среди этих людей, по-разному всматривавшихся в будущее, был и Петр Семенович Коган – историк литературы, театровед, критик, а еще человек с нелегкой личной судьбой.